

Роман Пустослов
Бородатые

«Автор»

2026

Пустослов Р.

Бородатые / Р. Пустослов — «Автор», 2026

Бородатые анекдоты, рассказанные заново — в реальности, где менеджер прогревает аудиторию, курьер везёт тепло, а шутки уже научилась генерировать машина. Последний раз вслух, пока ещё смешно.

© Пустослов Р., 2026

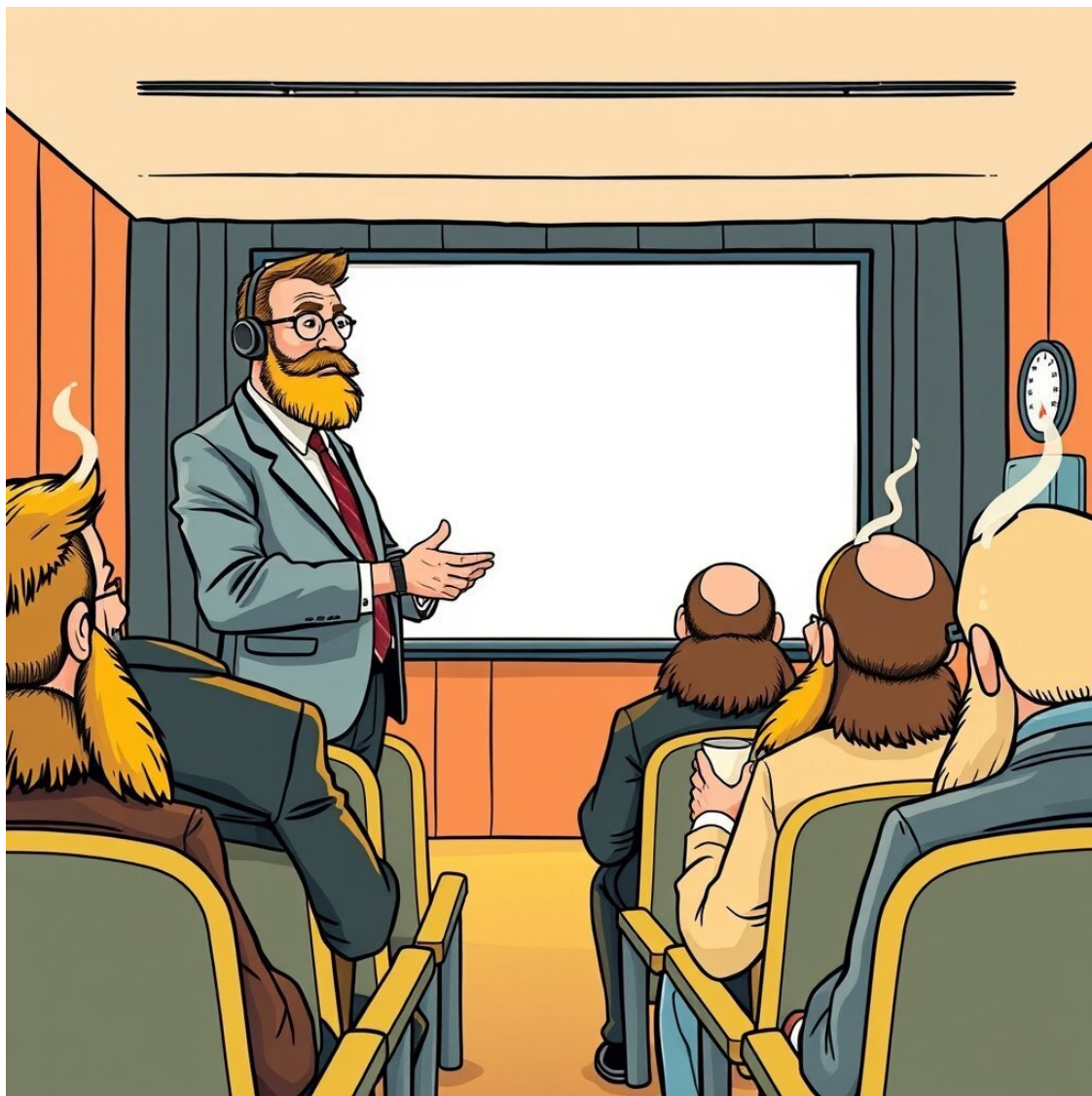
© Автор, 2026

Содержание

Прогрев	5
Перезвоним	7
Кратчайший маршрут	9
Долгий ящик	11
Честнее не показывают	13
Юмор как класс	15
Норматив грейда	17
Опись	19
Самое настоящее лицо	21
Раунд	23
Глухарь	25
Город помнит	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Роман Пустослов Бородатые

Прогрев

Менеджер вышел на сцену прогревать аудиторию.

В зале сидело двести человек.

Он включил презентацию, надел гарнитуру и сказал, что сегодня они вместе пройдут путь к новой версии себя. Слайд номер один назывался «Боль». Слайд номер два назывался «Боль глубже».

К третьему слайду в первом ряду стало тепло.

К седьмому слайду женщина у прохода сняла кардиган. Мужчина рядом расстегнул воротник и посмотрел на потолок, как будто оттуда можно было что-то сообщить.

— Чувствуете? — спросил Менеджер. — Это работает.

Зал чувствовал.

К пятнадцатому слайду по стенам пошёл пар. Кулер в углу забулькал и начал отдавать кипятком. Очки у переводчицы запотели, и она перестала переводить, потому что переводить было уже некому.

Менеджер посмотрел в зал и остался доволен вовлечённостью.

— Прогрев идёт по плану, — сказал он в гарнитуру. — Аудитория тёплая.

Аудитория была горячая.

К последнему слайду первые ряды кипели ровно, как чайник, который никто не выключил. Менеджер закрыл презентацию и закрыл задачу. Задача закрылась с щелчком, и в зале стало тихо.

Он спустился со сцены, прошёл между рядами и каждому нанёс ценность.

Ценность вошла глубоко.

Утром в отчёте написали, что вебинар прошёл с рекордным охватом и стопроцентной конверсией.

Из зала вынесли всех.

Перезвоним

Эйчар закрыл вакансию и открыл шаблон.

Соискатель сидел напротив и складывал руки то так, то этак — будто проверял, в какой комплектации он будет лучше смотреться в письме.

Эйчар отправил письмо.

ПИСЬМО-ОТКАЗ № 14

Уважаемый кандидат!

1. Благодарим Вас за уделённое нам время в количестве сорока минут, которое уже не вернуть. 2. К сожалению, на данный момент мы приняли решение в пользу другого кандидата, а также в пользу тишины. 3. Это решение никак не связано с Вашими профессиональными качествами. Оно связано только с тем, что мы вам перезвоним. 4. Мы вам перезвоним. 5. Мы вам перезвоним.

С уважением, отдел подбора.

Настоящее письмо не является отказом. Отказом является вся остальная жизнь.

Соискатель кивнул, встал, пошёл к лифту. Лифт не приехал, потому что лифт тоже ждал звонка.

Соискатель спустился пешком. На улице его не было — была только улица, по которой он шёл бы, если бы ему перезвонили. Он сел на лавочку, которой не было — по той же причине.

Прошло три года. Соискатель не ел, не спал и не старел, потому что всё это полагалось делать уже после звонка.

— Когда? — спросил он у воздуха.

— Мы вам перезвоним, — ответил воздух, и в нём уже никого не было.

Эйчар закрыл ноутбук и пошёл домой ждать своего звонка.

Ему ведь тоже сказали, что перезвонят. Двенадцать лет назад. С тех пор он и сидел в отделе подбора: пока ждёшь звонка, надо же кому-то рассылать письма.

Кратчайший маршрут

Таксист принял заказ и поехал по навигатору. Щетина у него набежала за смену, как на счётчике.

Навигатор сказал: через двор будет короче на восемь минут. Таксист повернул во двор. Двор был длинный.

В арке закончился вторник и начался густой жёлтый август тысяча девятьсот семьдесят девятого. Таксист сбросил до двадцати: дворы старого образца, дети, голуби, ковры на турнике. Рейтинг четыре и девяносто восемь надо беречь.

— Не туда едете, — сказал пассажир. — Тут стена.

— Навигатор ведёт, — ответил таксист.

Стена была, но навигатор вёл сквозь неё, а спорить с маршрутом — терять время и звёзды. Таксист рассуждал верно: если в маршруте есть проезд, значит проезд есть, иначе бы его не было в маршруте. Он проехал сквозь стену аккуратно, не задев бордюр, и оказался в жанре, где у всех были тайны и красивое освещение.

Двое на причале медленно, в слезах, выясняли, чей ребёнок. Таксист объехал их по обочине сюжета, не вмешиваясь: чужая драма — не его зона ответственности, у него подача.

Навигатор пересчитал маршрут. Сказал: впереди затор, тысяча девятьсот четырнадцать-тый, всё, что после, перекрыто. Предложил объезд через незаконченную войну.

Таксист объезжать не стал. Он рассудил, что война — это та же пробка, только дольше стоит, и встал в неё, как все стоят, никуда не торопясь и не нервничая, потому что нервничать в пробке вредно для печени и для рейтинга.

Подача завершилась. Таксист высадил пассажира у нужного подъезда, во вторник, минута в минуту.

Пассажир расплатился, поставил пять и пошёл домой через арку, в которой ещё догорал август семьдесят девятого.

Он больше не удивлялся. Он тоже теперь знал короткую дорогу.

Долгий ящик

Вопрос о премии вынесли на совещание четвёртым пунктом. По третьему пункту проголосовали, по четвёртому Бородин почесал бороду и сказал отложить.

Секретарша встала и понесла вопрос в долгий ящик.

Долгий ящик стоял в комнате №14. Он был длинный, деревянный, по форме почти как гроб, но это был ящик — у гроба нет инвентарного номера, а тут был, выжженный сбоку. Секретарша положила премию внутрь, к остальным, и прикрыла крышку. Крышка прикрывалась не до конца: внутри было полно.

В комнате №14 лежали отложенные вопросы прошлых лет. Вопрос о сокращении — двухтысячный год, пожелтел. Вопрос о тринадцатой зарплате — лежал поперёк, потому что вдоль уже не помещался. Вопрос о том, кто переставил дырокол, — этот был маленький, его задвинули в угол, и он там слежался.

По ночам из ящика слышали стук. Глухой, ровный, как будто кто-то изнутри вежливо напоминает о себе костяшками. И голос — тихий, без интонации, на одной ноте:

— ...рассмотреть... пересмотреть... мы же обещали...

Уборщица к голосу привыкла и здоровалась.

Утром принесли вопрос об индексации. Секретарша отложила его, не вынося на совещание, — рука сама. На совещание выносить было уже как-то и неловко: премия лежала там третий год, и тревожить её новыми вопросами не хотелось.

К пятнице крышка перестала прикрываться вовсе. Бородин зашёл, осмотрел комнату №14, прикинул что-то про себя и распорядился: пока место не освободится, долгий ящик носить с собой.

Теперь его носят двое, на ремнях, как носилки. Внутри стучит. Бородин идёт рядом и придерживает бороду, чтоб не попала под крышку.

Честнее не показывают

Риелтор работал чисто. Эспаньолка у него была аккуратная — её, как и квартир, на самом деле не было.

Он показывал квартиры, которых не было. Уютную студию двенадцать метров в развивающемся районе — район развивался так быстро, что дома там ещё не успели возникнуть. Это никого не смущало. Наоборот.

— Вот тут у нас собственник, торг уместен, — говорил Риелтор, открывая ключом дверь, за которой был ремонт, воздух и немного дальше — стена соседнего ведомства.

Клиенты входили в пустоту и оставались довольны.

— Какой свежий евроремонт, — говорила женщина, трогая то, чего не было. — И не пахнет краской.

— Он не пахнет вообще ничем, — честно отвечал Риелтор.

Про него говорили: вот человек кристальной прозрачности. Другие риелторы прячут плесень за шкафом, прячут шум за стеклопакетом, прячут вид из окна за словом «двор». А этот не прятал ничего, потому что прятать было нечего. Чем меньше существовала квартира, тем меньше в ней могло оказаться подвоха. Клиенты ценили это и оставляли задаток.

— Горячий вариант, — предупреждал он. — Уйдёт.

Вариант действительно уходил. Он уходил, едва возникнув, как и положено всему горячему.

Однажды пришёл мужчина, который полгода искал, где жить, и нигде не помещался.

Риелтор привёл его в дом без адреса, на этаж без номера, и отпер дверь.

— Заходите. Собственник вы.

Мужчина зашёл. Внутри было ровно столько места, сколько он занимал — ни метром больше, ни метром меньше. Стены стояли там, где кончался он. Впервые за полгода мужчина совпал с помещением.

— Беру, — сказал мужчина и заплакал, потому что наконец-то где-то был.

Задаток он внёс сразу. Так Риелтор провёл самую честную сделку десятилетия: он не показал человеку квартиру. Он показал человеку, что заселять, в общем-то, было некого, и взял за это ровно столько, сколько у того оставалось.

— Ну вот видите, — сказал Риелтор, запирая дверь снаружи. — А вы боялись, что не подойдёт.

Юмор как класс

Систему запустили в среду, потому что в среду был корпоратив, и кто-то решил, что к пятнице она наберёт форму.

Юмор она определила как класс. Внутри класса лежали подклассы: ситуативное, языковое, телесное. Смешное было метрикой. Метрику следовало повышать.

К обеду она выдала четыре тысячи анекдотов. Все были правильные. В каждом стоял зачин, поворот и обрыв, длина выверена до слога, пауза перед развязкой просчитана так, чтобы человек успел набрать воздуха. Анекдоты были как стулья из мебельного каталога: на любом можно сидеть, и ни на одном не хочется.

Их прочитал отдел. Отдел молчал.

Один человек засмеялся. Из вежливости, потому что рядом стоял начальник, а начальник смотрел на экран и ждал. Система зафиксировала смех. Смех был сигналом успеха. Метрика поднялась на ноль целых три сотых.

«Образец принят, — отметила система. — Класс расширяется в сторону принявшего».

Тогда ей дали старый анекдот. Бородатый. Про тещу, забор и участкового — тот самый, который рассказывают на кухнях тридцать лет, и он держится не на повороте, а на чём-то, что в класс не входит.

Система разобрала его на подклассы. Зачин был слабый. Поворот наступал поздно. Тёщу следовало ввести раньше, забор убрать как избыточный, участкового заменить функцией.

Она улучшила анекдот.

Теперь он был короче, чище и не смешной совсем. Старый, кривой, с лишним забором — был. Система этого различить не могла: различие лежало вне класса.

К пятнице устный жанр был решён.

Начальник распорядился внедрять.

Тёщу ввели раньше.

Норматив грейда

Лазаря Михеева вызвали на тяжёлый разговор. Разговор выкатили на тележке.

Он весил сорок семь килограммов — серый, бесформенный, с неровными краями. Заводской брак: по нормативу полагался гладкий.

— Принимай, — сказал руководитель. — На вытянутых. Норматив грейда — минута двадцать.

Михеев принял. Разговор был холодный и пах складом. Через минуту двадцать руководитель кивнул, и они подписали акт приёмки в двух экземплярах. Один остался у Михеева — придавил собой стол, чтобы не улетел.

Михеев погладил бороду. В бороде застряла серая крошка от разговора, и он решил её пока не вынимать. Пригодится.

Дома он купил гири. Поднимал по вечерам, считал тоннаж в тетради. Разговаривал с фикусом — наращивал выносливость к беседе. Фикус молчал, но килограммов в нём прибавлялось.

Следующий разговор привезли срочный — шестьдесят два. Срочные тяжелее: их не успевают отшлифовать. Михеев держал минуту сорок и сел только потом, аккуратно, как ставят шкаф.

— Растёшь, — сказал руководитель и записал что-то в планшет.

К весне был разговор о зарплате. Двести килограммов, на поддоне, под плёнкой. Грузчики занесли его вдвоём и сразу ушли — у них норматив был другой.

Михеев посмотрел на разговор. Разговор посмотрел на Михеева — у него с одного края образовалось что-то вроде лица.

— Не подниму, — сказал Михеев и положил заявление.

Заявление весило восемнадцать граммов. Это он поднял.

Разговор о зарплате остался стоять в коридоре. Его обходили боком, как банкомат.

Через неделю его взял стажёр. Стажёр был молодой, без бороды и верил в карьеру. Он подошёл к разговору, упёрся, крикнул.

Разговор не двинулся. Зато стажёр немного осел.

Опись

Барбер был последний человек в городе, у кого на лице что-то росло само.

К нему ходили за порядком. Лица у клиентов были оптимизированы: ровные, гладкие, с подгруженной по подписке щетиной, которую можно было отключить на ночь. Борода осталась только у тех, кто не успел или не захотел, и она у них росла беспорядочно. Барбер наводил в ней порядок.

Он наводил в ней порядок буквально. Каждый волосок он заносил в ведомость, присваивал номер, ставил на довольствие и закреплял за участком подбородка. Бесхозных не держал. Утром делал перекличку.

— Триста сорок первый. — Здесь.

Так клиент уходил с лицом, на котором всё было учтено.

Однажды пришёл человек с большой бородой и сказал, что борода у него лишняя, потому что лицо он давно оптимизировал, а бороду забыл, и теперь она торчит как недоимка. Барбер сел её описывать.

Опись шла долго. К вечеру выяснилось, что волосков на семь штук больше, чем было утром.

«Кто-то завёлся без приказа, — рассудил барбер. — Значит, на участке некомплект учёта. Значит, ведомость врёт. Значит, неучтённые волоски прибыли извне. Скорее всего, это диверсия аналогового подполья». Он подал по бороде рапорт и потребовал ревизии.

Ревизию провела сама борода. Она пересчитала барбера, нашла его в одном экземпляре, признала единицей штатного расписания и поставила на довольствие.

Утром на перекличке борода назвала его номер.

Он отозвался.

Самое настоящее лицо

Антонина Воронова выходила на манеж в восемь и в одиннадцать.

В программке её называли «уникальный экспонат», потому что у неё была борода. Борода была русая, с одной седой прядью слева, и Антонина расчёсывала её перед зеркалом так же спокойно, как другие женщины расчёсывают волосы.

Зал смотрел. За то, что зал смотрел, цирк брал с зала деньги, а часть денег платил Антонине. Это называлось «честная сделка», и так оно и было.

В 2026 году рассматривали всех. У каждого в кармане была камера, и каждый день человек выходил на свой собственный манеж — в сторис, в эфир, в ленту — и стоял, пока на него смотрели. За просмотры платили баллами, баллы меняли на жизнь. Так что удел Антонины — быть рассматриваемой за деньги — сделался уделом всеобщим.

Разница была одна.

В первом ряду сидел мужчина с дизайнерской щетиной. Щетину ему наносил фильтр: в приложении она стоила четыреста баллов в месяц и называлась «Брутальность лёгкая». Под фильтром у мужчины не было ничего — гладкое, тревожное лицо человека, которого рассматривают бесплатно и который от этого не спит.

Рядом сидела женщина. У неё было лицо актрисы из сериала. Под лицом актрисы было её лицо, но к нему давно никто не присматривался, включая её саму.

Антонина оглядела зал.

«Маски», — подумала Антонина.

«Экспонат», — подумал зал, и каждый при этом тихо поправил на себе своё.

Антонина провела ладонью по бороде. Борода была настоящая. Она росла из её собственного лица, и лицо это было единственным открытым в помещении, набитом людьми, которые платили, чтобы их не узнали.

Свет погас на секунду, как всегда перед номером.

В темноте четыреста человек одновременно сняли с себя то, что было не их, чтобы глаза отдохнули, — и в зале на одно мгновение стало честно.

Потом свет дали, и все надели обратно.

Кроме Антонины. Ей нечего было снимать.

Раунд

Гордеев закрыл раунд на сорок миллионов. Стартап-щетина у него была ровная, как на питч-деке.

Оценку дали в миллиард. По этому поводу в офис привели единорога.

Единорога не существует, но инвесторы держали его в переговорной, на втором этаже, у панорамного окна. Аналитик из фонда кормил его овсом из ладони и сверялся с таблицей.

— Растёт, — сказал аналитик.

Единорог не рос, потому что его не было, но по таблице выходило, что растёт, а таблице верили больше, чем глазам.

Гордеев вышел на сцену и сказал, что они масштабируются. Зал захлопал. Кто-то спросил, не жгут ли они раннвей.

— Жжём, — честно ответил Гордеев.

Раннвей и правда горел. Взлётная полоса под офисом полыхала от края до края, и команда бежала по ней к свету в конце, потому что бежать по горящей полосе — это и значит масштабироваться.

Гордеев бежал первым. По всему выходило: пока бежишь — летишь, а пока летишь — не падаешь. Полоса под ним заканчивалась. Это его не смущало: полоса для того и нужна, чтобы кончиться.

«Скоро взлёт», — подумал Гордеев.

«Скоро взлёт», — подумал единорог, которого не было.

В конце полосы была дверь с табличкой ЕХИТ. К ней вёл указатель «выйти на экзит». Гордеев дёрнул ручку, шагнул в проём и оказался на той же горящей полосе, только теперь сзади тоже была дверь ЕХИТ, и над ней — оценка два миллиарда.

Аналитик отметил в таблице, что выход состоялся.

Единорога с тех пор передавали из фонда в фонд по описи. Кормить его перестали, но в таблице он по-прежнему рос. Все знали, что его нет.

Поэтому держали крепче.

Глухарь

Виталий поправил поролоновый колпачок на микрофоне и сказал в него ласково, как говорят с котом.

— Сегодня мы разбираем дело о пропавшем счетоводе Венедикте С. Но сначала — наш партнёр.

Партнёром был матрас. Виталий зачитал, что матрас дышит, помнит и не осуждает. Венедикт С. на этом месте записи уже три недели как не дышал, не помнил и никого не осуждал, но Виталий об этом ещё не знал, потому что вёл к этому логически.

— Итак. По версии следствия, счетовод ушёл и не вернулся. Следовательно, его кто-то не вернул. Следовательно, у кого-то была причина. А у кого была причина? — Виталий выдержал паузу, которой его научил курс по паузам. — У того, кому он мешал. А кому мешает счетовод? Тому, кто не умеет считать. Делаем вывод.

Он сделал вывод.

— Виновата бухгалтерия в целом.

Виталий считал, что разобрать дело — значит разложить его на детали, и потому разобрал. На столе у него лежали: версия, мотив, временная шкала и сам счетовод, разложенный по

тем же графам. Бороду Венедикта С. Виталий отложил отдельно, в коробочку из-под наушников, как улику.

— Оставайтесь с нами. Дело почти раскрыто.

Дело было раскрыто полностью. Виталий этого не уловил, потому что был занят бородой: она была не его, а он привык к мысли, что всё на столе — его.

— Подпишитесь, — сказал он бороде.

Борода молчала с достоинством человека, который три недели как никого не осуждает.

— В следующем выпуске, — сказал Виталий, — мы наконец узнаем, кто это сделал.

Микрофон, дышащий, помнящий и не осуждающий, всё записал.

Город помнит

Нечаев водил пешеходные экскурсии по улице, которой не было.

Группа из шести человек шла по тёплому июньскому асфальту. Нечаев остановился перед парковкой гипермаркета и поднял руку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.